

К 63.5/Чс
М22

М. МАМАКАЕВ

К
ИСТОРИИ
НАРОДОВ
ЧЕЧЕНО-
ИНГУШЕТИИ

ЧЕЧЕНСКИЙ ТАЙП (РОД)
И ПРОЦЕСС
ЕГО РАЗЛОЖЕНИЯ

ГРОЗНЫЙ — 1962

16/x1

М. МАМАКАЕВ

К63.5(2)

М-22

ЧЕЧЕНСКИЙ ТАЙП (РОД)
И ПРОЦЕСС
ЕГО РАЗЛОЖЕНИЯ

X

✓

5321.

БИБЛИОТЕКА
с. В. А. Маммакаева
Математического у-на
Чеч.-Инг. АССР

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1962

ОТ АВТОРА

Данная работа написана автором в 1934 году. В 1936 году она была опубликована в «Известиях» Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Отдельное издание ее, капитально подготовленное к печати в 1937 году, не увидело свет.

Наша партия, решительно осудив культ личности Сталина, за последние годы проделала огромную работу по ликвидации его последствий и показала замечательные образцы развития научной теории в неразрывной связи с жизнью, дала блестящий пример того, как надо поставить исследовательскую работу и в области исторической науки. Коммунистическая партия сурово осудила антинаучные взгляды, навязываемые советским историкам в период культа личности. Нам нужна такая наука, которая излагала бы объективную истину. Таковы задачи, поставленные XXII съездом КПСС.

В свете решений, принятых XXII съездом КПСС, перед историками Чечено-Ингушетии стоят задачи более глубоко изучить историю чечено-ингушского народа и в частности исследовать социально-экономическое развитие чеченского общества в XVII—XVIII веках, выявить специфику классовой структуры и особенности классовых противоречий этого периода в жизни чеченского народа.

Публикуя данную работу, автор надеется внести хотя малую лепту в вопросы, связанные с изучением истории чечено-ингушского народа.

Учитывая, что эта работа представляет одну из первых попыток исследования вопросов, связанных с общественным строем Чечни XVII—XVIII веков, автор будет искренне благодарен товарищам, которые сделают свои критические замечания по затронутым вопросам. Такие замечания будут полезны для окончательного выяснения сущности чеченского тайпа.

Автор.

1962 г.

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы классовой борьбы, протекавшей внутри чеченских тайновых общин в XVIII и XIX веках, и их отражение в общем ходе истории чеченского общества, к сожалению, до сих пор не получили в исторической литературе должного освещения. А между тем изучение этих весьма важных вопросов поможет нам правильно понять многие стороны исторического развития чеченского народа.

В XVIII веке и даже в первой половине XIX века у чеченцев все еще прочно сохранялись ярко выраженные черты тайнового строя, но рядом с ними и вопреки им вырастали и неуклонно развивались элементы новых феодальных отношений. Перед лицом этого жестокого процесса старые тайновые корпорации отступали на второй план, упорно, однако, борясь за свое существование. Уже в то время внутри чеченских тайпов шла острая социальная борьба, связанная с феодализацией чеченского общества.

Следует отметить, что чеченским тайповым общинам в упорной борьбе с феодализировавшейся аристократией удавалось ограничить ее жадные притязания и в значительной мере сохранить свою свободу и общественное устройство в общественной жизни. Но такое активное сопротивление отнюдь не сумело повернуть колесо истории вспять и привести общество к чему-то вроде «второго издания тайнового строя». Нет! Хотя феодализировавшаяся знать и наталкивалась в Чечне на более упорное, чем у других народов, сопротивление массы крестьян, историческое развитие чеченского общества неуклонно шло по линии расширения феодальной земельной собственности за счет сокращения общинных земель. Это

сопротивление против неутомимого социального процесса внешне поддерживалось наличием еще не распавшейся и довольно сильной тайповой общины. Но все же, хотя каждый чеченец и мог гордо заявить: «Со оз-да¹ похчо ву» (я свободный чеченец), далеко не каждый из них был в подлинном смысле этого слова уже свободным. Как мы это увидим ниже, например, Бузурт из Валерика или Асхад из Галанчожской Акки не имели таких же прав, как феодализовавшиеся уздени, составлявшие верхушку чеченского общества.

Таково было фактическое положение вещей, хотя в силу отсутствия у чеченцев сложившихся форм государственности, наличия еще весьма прочного правового института тайпизма и постоянной межтайповой борьбы новая феодальная знать закрепить свои сословные привилегии как исключительное право на владение землей и людьми не могла.

Не следует рассматривать это обстоятельство как необычный казус, свойственный только истории чеченского общества. Карл Маркс подчеркивает, что при единстве и общности законов развития общества не исключено многообразие его конкретно-исторического развития. «...один и тот же экономический базис, — пишет Маркс, — один и тот же со стороны главных условий — благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»².

Уже в начале XVIII века чеченский тайп перестал быть той «чудесной организацией», где все были равны, где всякие споры и недоразумения разрешались тем коллективом, которого они касались, — всем тайпом или им избранным советом старейшин. И общинное землевладение в какой-то мере являлось также лишь юридической фикцией, маскировавшей фактически существовавшую частную феодальную собственность.

¹ Кабардинский термин «узден», обозначающий дословно свободный, с течением времени чеченцы стали употреблять и как благородный.

² К. Маркс. Капитал, т. 3. М., Госполитиздат, 1953, стр. 304.

На плоскости, да и в горах Чечни, где жили крупные тайпы и союзы тайпов — тукхумы, были условия для значительного обогащения тайповой верхушки, находившейся на грани превращения в феодальную знать. Во всяком случае, песни, сказания и легенды самих чеченцев, а также исторические документы, дошедшие до нас, содержат много сведений о богатых элах и бесправных лаях, о простом народе, зависящем от всемогущих властителей.

Таким образом, те историки, которые, основываясь на том, что в Чечне даже в XIX веке не было юридически оформившейся феодальной аристократии, пытаются убедить нас в том, что чеченские тайповые общины того периода были «свободными демократическими республиками», заблуждаются.

1. ЧЕЧЕНСКАЯ СЕМЬЯ (ДОБЗАЛ)

В далекие донисторические времена, вероятно, у чеченцев существовала иная форма семьи, но с момента их датированной истории у них существует единобрачие — моногамная семья, возникшая в эпоху цивилизации, основанная на господстве мужа и созданная с определенной выраженной целью рождения детей, преемство которых от отца не подлежит сомнению. Следует отметить, что такой брак, являясь единобрачием для женщин, для мужчин оставлял неписанное право пользоваться многоженством.

«Моногамия возникла, — пишет Энгельс, — вследствие сосредоточения больших богатств в одних руках, именно — в руках мужчины, и из потребности передать эти богатства по наследству детям этого мужчины, а не другого. Для этого была нужна моногамия жены, а не мужа, так что эта моногамия жены отнюдь не препятствовала явной или тайной полигамии мужа»¹. Трудно сказать, насколько свято хранили и женщины супружескую верность своим мужьям, хотя последние и считали ее обеспеченной, предоставленной им властью над жизнью и смертью их жен.

Любой чеченец, достигший брачного возраста, его жена, которая торжественно, с соответствующими гражданскими и религиозными обрядами вверялась ему для совместной жизни, их сыновья и дочери, а также дети от сыновей представляли семью (добзал) в прямом смысле этого слова. Имуществом мог распоряжаться только глава семьи — отец. Дети дочерей, рожденные ими от законного брака, принадлежали к другой семье — семье мужа.

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., Госполитиздат, 1950, стр. 76.

Такая семья и являлась основой чеченской общины конца XVII века.

Собственный очаг (цIа) и благословение детьми отца было для чеченца целью и сутью его жизни. Смерть почиталась не как зло, так как она неизбежна и послала «самим богом» (дела). Но когда семья или тайпу грозило полное вымирание, то это считалось страшным бедствием для всей общины, а поэтому она открывала свободный путь для усыновления чужих детей, которые отныне вступали в одинаковые законные права со всеми остальными членами данного тайпа.

Чеченская семья в целях укрепления нравственных отношений между ее членами хранила в себе все условия для развития элементов высшей культуры и морали. Во главе семьи мог стоять только муж, хотя жена и приобретении имущества была не менее правоспособна и дочь наследовала равную долю с братом, а мать — наравне с детьми. Не следует, однако, путать более ранние правовые отношения с теми отношениями, которые появились с установлением гражданско-религиозного права мусульман — шарията в чеченском обществе, когда при разделе состояния главы дома сын получает полную долю, дочь — половину, а жена — одну восьмую.

Женщина, как мы уже указывали, всегда и непременно принадлежала главе семьи, а не общине. В семье были беспрекословно подчинены: дочь отцу, жена мужу, потерявшая отца незамужняя женщина ближайшему родственнику по отцу; ему, а не общине она в соответствующих случаях была подсудна, и он мог распоряжаться ею со всей строгостью нравственных устоев рода. Но в доме чеченца жена была не служанкой, как это привыкли понимать, а полновластной хозяйкой. Свободная от тяжелых и опасных работ, она всецело посвящала себя семье, воспитанию детей, и прялка и швейная игла для нее были то же самое, что для мужа — топор и плуг.

«Одним из самых нелепых представлений, — писал Энгельс, — унаследованных нами от эпохи просвещения XVIII века, является мнение, будто бы в начале развития общества женщина была рабыней мужчины»¹.

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., Госполитиздат, 1950, стр. 48.

Здесь уместно напомнить слова выдающегося грузинского писателя XIX века А. Казбеги, хорошо знавшего обычаи и нравы чеченцев. «Чеченская женщина, — писал он, — свободнее всех женщин и потому честнее всех. Никогда не допустит она никакой непристойности, хотя имеет право свободно общаться с мужчиной»¹.

Единство чеченской семьи было настолько сильным и нерушимым, что даже смерть главы последней не могла расщепить ее. Но так как по чеченским обычаям древности женщины не разрешалось управлять семьей, то власть над семьей умершего, в том числе и над женой умершего, передавали опекуну (верасу) из числа ближайших родственников умершего.

По обычному праву чеченцев жена всегда могла уйти от мужа, урегулировав при этом свои материальные взаимоотношения с ним, то есть уплатив ему плату (яшацалла) за оскорбление его достоинства своим уходом. При этом приданое жене возвращалось до последней нитки включительно.

Мы ничего не знаем о том, как и когда пал чеченский матриархат и существовал ли он вообще. Но анализ некоторых слов говорит нам о многом. Так, например, обращаясь к хозяйке дома, чеченцы до сих пор говорят: *цѣнапа* (хозяйка огня), но никогда не говорили и не говорят, например, *цѣнда* (хозяйка огня). Позже, вероятно с появлением жилища, выработались уже другие термины: *цѣа* (дом), *цѣманана* (домохозяйка) и *цѣнапа* (домохозяин). Этот, казалось бы, незначительный штрих несомненно говорит о том, что когда-то в чеченском обществе преимущество было на стороне женщины. В связи с этим весьма важно отметить и такую деталь, что по обычному праву чеченцев за убийство женщины полагалось две крови.

Брак у чеченцев, как правило, заключался после предварительного знакомства молодых людей. Встречались они на белхи (помощь), на свадьбах и вечеринках, у реки и на свиданиях, которые обычно устраивались в доме ближайшего родственника девушки. Свадебное обручение с детства у чеченцев почти не было.

Существовал обычай умыкания невесты. Порой оно

¹ Казбеги А. Отеубийца. Тифлис, изд. «Заря Востока», 1931, стр. 128.

совершалось с согласия самой девушки, но часто это было вопреки ее воле, что являлось грубейшим насилием над свободой последней со стороны незнакомого и чуждого ей человека.

В домашних делах чеченка была полновластная хозяйка, и мужу не положено было вмешиваться в ее дела. Следует отметить, что униженное положение женщины в чеченской семье было освящено и закреплено с принятием чеченцами мусульманской религии.

Строго чеченец должен был соблюдать нравственные обязанности по отношению к своим детям. Если отец относился к ним небрежно, причинял им зло или в ущерб расточал свое имущество, то это становилось предметом всеобщего осуждения, рассматривалось как позор. Однако юридически семья беспрекословно руководилась и направлялась единой волей отца. Перед ним бесправны были все: и жена и остальные члены семьи. Глава семьи не только держал их в строжайшем повиновении, но ему же принадлежало право судить своих домашних и по своему умотрению наказывать телесно и даже лишать жизни.

Сын, достигший совершеннолетия, мог обзавестись своим отдельным хозяйством, семьей, или, как говорят чеченцы, *беввала* (отделиться), но все нажитое трудом членов этой семьи или полученное в дар со стороны юридически принадлежало отцу, и пока тот был жив, сыну не давалось права распоряжаться ни своим имуществом, ни членами семьи своего дома без ведома и благословения отца.

Таким образом, право собственности дало отцу и мужу неограниченную власть в чеченской семье. Жена и дети в доме хотя и были правоспособными как граждане, но их права не действовали, так как были узурпированы абсолютным единоначалием отца и мужа. Эта семья уже содержала в себе «в миниатюре все те антагонизмы, которые позднее широко развились в обществе и в его государстве»¹.

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. IX. М., ОГИЗ, Госполитиздат, 1941, стр. 31.

2. ЧЕЧЕНСКИЙ РОД (ТАЙП)

Чеченское общество конца XVII века состояло из союза восьми тукхумов¹: Нохчмахкой, Аьккхний, Чебарлой, Шарой, Маьлхний, Шуотой, Ч'аьнтий и Эрстхой. Самым крупным тукхумом в этом союзе был нохчмахкойский. В него входили такие тайпы, как Беной, Цонтарой, Белглатой, Билтой, Гендаргеной, Гюрдазлой, Гунной, Зандактой, Куршлой, Чермой, Эг'ашбатой и Эрсаной.

Каждый из этих тайпов делился в свою очередь на гары (ветвь тайпа), гары делились на некъы (ветвь гары), некъы — на ц'а (фамилии), ц'а — на добзал (семья).

Тайпы объединялись в тукхум (союз) территориальным единством, особенностью языкового диалекта, обязательством разрешать мирным путем взаимные споры и помогать друг другу в обороне и нападении на противника. Так, например, нохчмахкойцы занимали территорию восточной Чечни (Беной, Саясан, Гудермес и частично Ведено). Диалект у них был примерно такой же, как у современных чеченцев, проживающих на плоско-сти, то есть с более мягким произношением.

Надо полагать, что нохчмахкойцы, составившие основное ядро чеченцев, первыми поселились и на плоскость Чечни в районах Курчалоя, Шали, Гудермеса, Аксая и вдоль реки Терека.

Характерно отметить здесь и такую деталь, что нохчмахкойцы своей древней родиной считают Ноихой (бывший Галанчожский район), хотя с незапамятных времен и живут они на территории своего нынешнего поселения.

Отдельные тайпы² из этого тукхума, например беноевский и цонтароевский, настолько сильно увеличились, что давно уже забыли свое первоначальное кровное родство. Брак между членами тайпа цонтарой, например, обычное явление. Выйдя за пределы своей древней земли, представители этих тайпов уже с незапамятных времен расселились по всем районам современной Чеч-

¹ Тукхум — дословно значит семья, яйцо. Это слово, вероятно, заимствовано чеченцами из тюркского языка.

² Тайп — арабское слово «тайф». Надо полагать, что оно попало в чеченский язык с появлением мусульманской религии. До проникновения этого арабизма в чеченском языке было другое слово — «ваьр», точно соответствующее слову тайп.

ни. Трудно найти в наше время населенный пункт, где бы не было представителя, например, беноевцев.

По мере своего увеличения тот или иной тайп в свою очередь расчленился на несколько родов, и гары прежнего рода в этом случае становились самостоятельными родами, а первоначальный род продолжал существовать уже как тукхум — союз родов. Так, например, тукхумы Ч'аьнтий или Эрстхой когда-то были тайпами. Есть в Чечне и такие тайпы, которые в силу тех или иных исторических обстоятельств не входили ни в какие тукхумы (союзы), жили и развивались самостоятельно. Эти тайпы образовались как из представителей древних аборигенов данного края, так и из пришлых лиц. Поэтому следует считать тайп той основной ячейкой, откуда любой чеченец исчисляет свои первоначальные кровнородственные отношения и связи по отцовской линии.

Когда чеченцы хотят подчеркнуть отсутствие родства у какого-нибудь человека, то обычно говорят: «Цу стеган тайпа а, тукхам а дац» (у этого человека нет ни рода, ни племени).

Итак, прежде всего, что такое чеченский тайп (род) и какие общественно-экономические принципы устанавливает правовой институт тайпизма?

В своей известной работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» Ленин, сокрушительно опровергая мелкобуржуазного идеолога Михайловского, дает следующую «классическую» характеристику сущности родовой организации: «Но вот в Америке богатый материал, собранный Морганом, дает ему возможность проанализировать сущность ген-тильной (родовой. — М. М.) организации, и он сделал тот вывод, что объяснения ее надо искать не в идеологических отношениях (напр., правовых или религиозных), а в материальных»¹. Таким образом, марксистско-ленинское учение указывает на то, что сущность тайповой (родовой) организации следует искать не в идеологических отношениях людей, а в материальных. Именно на основе этих материальных отношений людей возникали и развивались правовые, религиозные и другие отношения родового строя со всеми их характерными особенностями.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. I, изд. 4, стр. 133.

Знаменитый американский исследователь первобытного строя, посвятивший себя изучению обычаев и прав древних индейцев, Морган в своей работе «Ancient Society», служившей основным источником для известной работы Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», дает следующее описание родового строя у индейцев: «Все его (рода. — М. М.) члены — свободные люди, обязанные охранять свободу друг друга; обладая равными личными правами, ни саhem, ни военный вождь не претендуют ни на какие преимущества; они составляют братство, связанное кровными узами. Свобода, равенство, братство, хотя это никогда не было сформулировано, были основными принципами рода, а род, в свою очередь, был единицей целой общественной системы, основой организованного индейского общества»¹.

Эту характеристику, данную индейскому роду, в основном можно применить и к чеченскому роду конца XVII столетия, так как в Чечне земля в то время принадлежала не отдельным лицам, а родовым общинам, но уже находившимся в процессе классового разложения.

Чеченский тайп — это тоже группа людей или семейств, выросших на основе примитивных производственных отношений. Члены его, пользуясь одинаковыми личными правами, связаны между собой кровным родством по отцовской линии. Свобода, равенство и братство, хотя никем и не были сформулированы, здесь также составляли главное начало тайпа — этой основы всей организации чеченского общества XVII века. Но чеченский тайп этого периода отнюдь не был архаичным родом, каким он был у прокезов. Нет! Тайповый строй у чеченцев этого периода является уже продуктом собственного заката, выявления наружу его потенциальных внутренних противоречий, разложения до сих пор казавшихся неизблемых форм, вытекавших из первоначальных правовых принципов тайпизма, которые раньше цементировали тайповый строй и искусственно сдерживали его разложение. Эти старые формы и тайповые принципы уже вступили в противоречие с теми социально-имущественными сдвигами, которые с каждым

¹ См.: Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Госполитиздат, 1950, стр. 90.

днем возрастали внутри отдельных тайповых ячеек. Юридическая оболочка тайповых корпораций уже не соответствовала имущественной структуре.

Однако была очень важная причина внешнего характера, которая сохраняла в силе «старое право» и «гармонизировала» его с происшедшими новыми сдвигами. В самом деле, малочисленные чеченские тайпы жили в это время в окружении более сильных соседей, которые время от времени посягали на их вольность. Эти внешние условия прежде всего и отсутствие у чеченцев сложившихся форм государственности сильно повлияли на сплочение тайпов, и эта сплоченность придавала вид (конечно, только вид) равенства, братства, защиты интересов друг друга.

Экономической основой тайпа являлись скотоводство, земледелие и охота. Скот являлся тем базисом, который определял специфические особенности чеченского тайпа того периода (об этом мы расскажем ниже). Поля и усадьбы также являлись важнейшей частью тайпового имущества. Земледелием чеченцы занимались с древнейших времен. Еще в начале XVII века качкалыковские чеченцы имели богатые виноградники, сеяли пшеницу, просо, ячмень, а позже стали возделывать и кукурузу¹.

Майсты был культурно-политическим центром тайповой Чечни XVII века. Он славился своими мудрыми лекарями, хорошо лечившими рапы, делавшими даже трепанацию черепа. Майстинцам еще задолго до появления русских на Кавказе известна была прививка оспы. Они славились и как искусные строители боевых и жилых башен. И, наконец, майстинцы славились и как знатоки адата — тайпового права. Именно сюда, в Майсты, который в силу своего географического положения был защищен от всевозможных нападений врагов, съезжались старейшины тайпов на официальные совещания для обсуждения адатно-тайповых вопросов. Выполнение решений, принятых на совещаниях, было обязательным для всех тайпов Чечни.

Первый чеченский историк Умалат Лаудаев пишет по этому поводу: «...старинки всех окрестных фамилий стали собираться для совещания о прекращении беспорядков в

¹ См. об этом: «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. VI. Тифлис, 1872, стр. 22.

стране. На совете ими определялось, какое возмездие должно последовать за различные преступления. Старик возвращался домой, объявлял фамилиям устно свое постановление и заставлял клясться свято исполнять их¹. Из таких определений на этих совещаниях старейшин — тхаматов тайпов — слагался постепенно у чеченцев адат — обычное право.

Местом, где также обсуждались вопросы общечеченского адата, были горы Сюйра-Корта возле Чечен-Аула и Кхеташ-Корта возле аула Цонтарой. Но это было значительно позже.

3. АДАТ (ПАДАТ) КАК ЮРИДИЧЕСКАЯ НОРМА РОДОВОГО (ТАЙПОВОГО) СТРОЯ

Патриархально-тайповое устройство в качестве юридической нормы предполагает адат, который несомненно проводит интересы тайпового строя. Адат — это обычное право, созданное на основе экономики и быта кочевых скотоводческих племен. Адат затрагивает вопросы, непосредственно соприкасающиеся с бытом. Сюда относятся вопросы уголовного порядка, семейные и наследственные.

Какие же общественно-обязательные принципы устанавливает правовой институт чеченского тайпа для своих сородичей?

Основных общественно-обязательных принципов, устанавливаемых правовым институтом тайпизма для сородичей и обществ, шестнадцать.

1. Единство и неделимость тайповых отношений для каждого сородича тайпа.

2. Право на общинное землевладение. Еще в начале XVIII века в горах Чечни мы находим пахотные земли, как правило, в общем владении всем родом. Но вскоре происходит раздел земли между отдельными семьями.

3. Объявление всем тайпом кровной мести другому тайпу за убийство и общественную дискредитацию члена данного тайпа и удаление его из родного аула с правом поселения вдали от места нахождения потерпевшего тайпа. До ее исполнения стороны стараются примириться, особенно провинившаяся сторона. Тайп убийцы

¹ Лаудаев У. Чеченское племя. Сборник сведений о кавказских горцах, вып. VI. Тифлис, 1871, стр. 124.

предлагает тайпу убитого условия примирения. При этом условия бывали различные, в зависимости от положения того или другого тайпа. Так, например, за убийство члена крупного, знатного тайпа нужно было платить 63 коровы. Рана, нанесенная ему огнестрельным оружием, стоила 20 коров. За попытку покушения огнестрельным оружием и осечки при этом требовалось уплатить 60 коров. Член маленького, слабого тайпа «стоил» третью долю, то есть 21 корову. Рана, нанесенная ему огнестрельным оружием, стоила 6 коров и так далее.

Принимались условия примирения — дело оканчивалось. В случае же отказа примириться обиженная сторона выбирала, кого она намерена убить; обычно выбирали куьг бехкидерг — у кого виновная рука. Против такого выбора тайп убийцы не имел права возражать. Убийством этого виновника обычно заканчивалась кровная месть.

4. Безусловное запрещение брака между членами одного тайпа. Из всех тайповых обычаев наиболее прочно держалось запрещение брака внутри тайпа, оно продолжает держаться относительно крепко и сейчас. Родственница по отцовской линии 10—15 и более поколений считается сестрой любого члена тайпа, тогда как самый близкий родственник по материнской линии — сама мать и та не является одготайповцем. Отдельные смельчаки, ставшие из-за любви на путь нарушения принципа тайпового брака, например цадахроевцы, преследовались общественным мнением не только данного тайпа, но и всех тайпов.

5. Оказание отдельным членам тайпа тайповой помощи в случае бедствий или несчастий.

Несомненным пережитком или вернее остатком этой тайповой помощи были так называемые белхи, которые широко использовались до последних дней главным образом материально состоятельными лицами из того или другого тайпа.

6. В случае смерти члена тайпа — объявление траура всем тайпом. Строгое воздержание от участия в увеселениях. Траур долго продолжался для близких сородичей, а наиболее отдаленные снимали его через определенный промежуток времени, с разрешения ближайшего родственника умершего.

нимает особую территорию и имеет свою тайповую гору, например Тумсой лам, Бепой лам и так далее (лам — по-чеченски гора). Тайпу принадлежит и тайповая башня, возведенная родоначальником данного тайпа.

14. Тайп имел свое божество с определенным образом религиозного культа, например кирдой дела (бог кирдойцев), Терой дела (бог терловцев). Тайп справлял праздники, связанные с культом своего божества, например праздник весны, праздник урожая и другие. На такие праздники почти каждый приводил для убоя белого барана или бычка, варили йий (пиво). Эти праздники устраивались на майданах перед храмом цу (божество).

15. Тайп имел отдельные тайповые кладбища. На них хоронили только членов данного тайпа. В связи с ростом населения и усилением малоземелья этот принцип стал нарушаться и тайповые кладбища стали превращаться в межтайповые. Как правило, все члены тайпа умершего участвовали в его погребении, заботились о могиле и поминках.

16. Тайповое гостеприимство. Тайп и его члены чрезвычайно дорожили гостеприимством. Плохой и непристличный уход за гостем заслуживал общественного презрения и нарекания со стороны других. Принимая гостя, каждый обязан был держать в порядке свой дом и семью. Чтобы сохранить честь и славу тайпа, он должен был пожертвовать решительно всем для гостя.

Таков был общественный строй, при котором жили чеченские тайпы накануне XVIII века. В этих шестнадцати основных пунктах изложены все права и обязанности члена чеченского тайпа. Однако вся жизнь семьи чеченца, весь семейный бытовой уклад ее пронитаны насквозь, нормированы еще так называемым житейским правом: как говорить с женой при людях, в семье; как говорить с детьми при старших, при младших, при родственниках, при посторонних; как вести себя дома, в гостях; что делать при встрече со взрослым, с молодым; как помочь старику сойти с лошади или садиться на лошадь; как ухаживать за гостем, что и как говорить с ним; кому уступать правую сторону от себя и кому не уступать; как нужно садиться за еду; как нужно есть дома и в гостях. Для всего этого были свои правила, установленные, строго регламентированные и принятые.

Таковы общественно-обязательные принципы правового института тайпа. Они соответствовали социально-экономическому строю этого тайпа. Их цепкие устои были крепки и ненарушны, и каждый чеченец свое поведение и свои поступки строго подчинял им. Жизнь чеченца, таким образом, протекала в строго определенных рамках, и чем больше он был популярен в обществе, тем сильнее обязан был блюсти нравственные устои тайпа. Это диктовалось еще и потому, что славу и могущество своего тайпа каждый чеченец прежде всего считал своим личным достоинством.

Бог это могущее чувство гражданского долга и держало каждого члена общины в рамках строгого приличия; оно же вершило суд и расправы сильнее и быстрее, чем секира королевского палача. Правовые нормы такого неписанного житейского кодекса позволяли предать любого нарушителя в полной мере к всеобщему нравственному осуждению и отвержению, но не разрешалось наказывать его телесно или материально. Существовал еще обычай возводить на месте совершения антиобщественного поступка кларлагла (жучи всенародного проклятия) и фуи кхайкхадар (выстрелов проклятия).

Рассматривая эти обычаи, знакомясь с ними, наблюдая их практическое преломление в жизни, мы должны подчеркнуть их сугубо классовый характер, ибо несомненно одно, что и адат выражал интересы определенной социальной группы, которая занимала господствующее положение в обществе.

Даже в первобытном обществе, где родство и кровнородственные отношения занимали исключительно большое место, несмотря на господство там первобытно-коммунистических отношений, старейшины рода, пользуясь своей властью, занимали господствующее положение. «В первобытном обществе, — писал Ленин, — когда люди жили небольшими родами, еще находясь на самых низких ступенях развития... мы видим господство обычаев, авторитет, уважение, власть, которой пользовались старейшины рода»¹.

Адат неодинаково защищал права сильных и слабых. Возьмем, например, фамильно-тайповый принцип

¹ В. И. Ленин. Соч. т. 29, изд. 4, стр. 437.

адата. О чем этот принцип говорит? Он говорит, что все члены данного тайпа между собой братья и сестры. В случае горя и несчастья, постигшего одного из них, остальные должны его поддержать. А на самом деле эта поддержка оказывалась далеко не одинаково всем. Бедняку обычно эта помощь оказывалась двумя-тремя членами из тайпа (и такими же самыми бедными, как и он сам), а сильному, состоятельному авторитету должны были оказывать и оказывали помощь все, весь тайп.

Еще более неприкрытый классовый характер носила практика почестей представителям сильного и знатного тайпа. Конечно, таким вниманием не пользовались цемущие, слабые. Мы это видим и на примере кровной мести, когда за убийство бедного человека да еще из малочисленного рода платили меньше, чем за человека из знатного и состоятельного.

И адат не преследовал, не клеймил презрением такое отношение к слабым, несостоятельным. Он носит совершенно явно и недвусмысленно выраженный классовый характер, направленный на защиту интересов знатных, состоятельных, богатых. Элементы классового неравенства в тайпе чувствовались в порабощении женского пола мужским и в бесправности молодежи перед патриархальными стариками. Это положение в глазах чеченца являлось как бы вполне естественным, рожденным вместе с ним. Разумеется, он не сознавал, что это есть проявление общественной несправедливости, созданной историей. Еще и сейчас кое-кому кажется идеальным и достойным подражания поведение горянки в прошлой общественной жизни. Есть и такие лица, к сожалению, которые, рьяно цепляясь за старое, хотели бы ограничить участие женщины-горянки в общественно-политической жизни страны.

Они не хотят видеть в бесправном положении горянки никакого классового угнетения. Между тем это глубоко неверный и ошибочный взгляд. «...единобрачие, — пишет Энгельс, — появляется в истории отнюдь не в качестве примирения между мужчиной и женщиной и еще меньше в качестве высшей формы брака. Напротив. Оно появляется как порабощение одного пола другим, как провозглашение неведомого до тех пор во всей предыдущей истории антагонизма полов». И дальше: «пер-

вая появляющаяся в истории противоположность классов совпадает с развитием антагонизма между мужем и женой при единобрачии, и первое классовое угнетение совпадает с порабощением женского пола мужским»¹.

Приведенного высказывания Энгельса вполне достаточно, чтобы убедиться в ошибочности взглядов приверженцев старины, ратующих за ущемление прав горянки.

Мы уже писали, что в истории Чечни нам известен только патриархат, где общественная жизнь тайпа была построена на основе отцовского права с единобрачной патриархальной семьей, с которой человечество вступает в область писанной истории.

«Единобрачие, — пишет Энгельс, — было крупным историческим прогрессом, но вместе с тем оно открывает, наряду с рабством и частным богатством, ту продолжающуюся до сих пор эпоху, когда всякий прогресс и то же время означает и относительный регресс, когда благосостояние и развитие одних осуществляется ценой страданий и подавления развития других. Единобрачие — это та клеточка цивилизованного общества, по которой мы уже можем изучать природу вполне развившихся внутри последнего антагонизмов и противоречий»².

Так определил Фридрих Энгельс историческую роль и место индивидуального брака.

Таким образом, следует подчеркнуть, что чеченская тайповая община, сформировавшаяся на началах господства патриархальной семьи, была общиной с элементами классового неравенства, где процветание и развитие одного осуществлялось за счет ущемления прав другого. Тайповая община разьедалась внутренними противоречиями. Но как только она подвергалась опасности извне, сразу же становилась единой. Предательство ее интересов в таких случаях каралось единственной мерой — отсечением головы предателя.

Конечно, тайповая община на данном этапе не знала

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., Госполитиздат, 1950, стр. 66.

² Там же, стр. 66.

таких острых форм классовых столкновений, какие хотели бы видеть некоторые товарищи. Ей еще чужды были обращение людей в лаев (рабов) и насильственный захват имущества отдельных ее членов другими членами. Но тем не менее патриархальный тайп был той почвой, на которой настойчиво росли семена общественного неравенства. Господство тайповых тхаматов, собственнические стремления отдельных клеток тайпового организма, приниженное положение женщины — все это с самого начала было социальной язвой на теле чеченского тайпа начала XVIII века. Эта язва с ходом истории все больше и смелее пробивала себе дорогу, шаг за шагом открывая пути для классового разложения и жестокой, непримиримой классовой борьбы.

То, что было естественно и вытекало из характера социально-экономической структуры тайповых общин того периода, на новом этапе становится тормозом всякого прогресса. Адат превращается в свою прямую противоположность, в собственное отрицание. Ибо развитие производственных сил не могло получить дальнейшего роста в старых формах, в тесных рамках патриархально-тайпового строя, патриархальной экономики и столь же консервативного теперь правового института тайпизма.

Адат должен был уступить свое место другому правовому строю, который вырастал из него самого же. Тайповая община разлагалась и на ее развалинах в Чечне появились крупные землевладельцы, скотоводы, безземельные и рабовладельческие элементы.

4. ПРОЦЕСС РАЗЛОЖЕНИЯ РОДА (ТАЙПА)

Марксистское учение об общественно-экономических формациях показывает, что проблема рабства есть прежде всего проблема классовообразования. Однако марксизм утверждает, что рабовладельческая формация не является каким-то универсумом. Наоборот, марксистское учение устанавливает, что у древних германцев, у кельтов, скандинавов, славян не было вовсе этапа рабовладельческих формаций, так как у них процесс классовообразования начался с феодального общества.

Но это отнюдь не означает, что кельты, славяне и другие не знали рабства, напротив, без рабства не мог-

ло произойти и разложение доклассового общества, с которого начали эти народы и этнические группы свое общественное существование. Но рабство у всех этих народов не развилось до рабовладельческой системы. Там рабство существовало, но не как вполне сложившийся общественно-экономический уклад. Такое рабство совершенно не чуждо и чеченской истории.

Развитие материальных производственных сил, обусловленное новыми производственными отношениями людей, вызвало разложение чеченских тайповых общин и обусловило появление на арене общественных отношений лаев и эли (раба и господина). Началась борьба за человеческий труд, который должен был быть приложен к средству производства.

Старые границы тайпового способа производства сделались тесными в первую очередь для тайповых старейшин (тхаматов). Теперь тхамате нужно было захватить некими нажитые богатства тайпов, стать их реальным владельцем и вести это хозяйство силами лаев (рабов). Тайповые «пизы» оказывали решительное сопротивление захватническим стремлениям тхаматов, которые пытались обогатить себя за счет кровных интересов народа.

Они не могли отстоять и сохранить прежний способ производства. История делала свое великое социальное дело. Началась эпоха экспроприации тайпов, движущими силами которой явились: «Самые низменные интересы — вульгарная жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная алчность, эгоистический грабеж общего достояния»¹. Таким образом, воровство, насилие, коварство и измена стали неизменными спутниками нового, цивилизованного, классового общества. Развертывается жестокая борьба различных общественных слоев. Эта борьба охватывает как внутреннюю, так и внешнюю жизнь чеченских тайповых общин, принимает формы открытых социальных конфликтов внутри тайпов и между отдельными общинами. Такими конфликтами несомненно являются битва падхароевского Жели

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., Госполитиздат, 1950, стр. 101.

и дишинского Тусхароя, неоднократные сражения Ботаган Жокала (майтинского) и шедалоевцев (хевсур) и бацбийцев (тушин). Эти военные набеги преследовали цель захвата чужой территории, угона скота, превращения захваченных пленников в рабство и так далее.

«Яблоком раздора» прежде всего была земля, вокруг нее разгорались главные бои.

«Князьки» — вожаки отдельных тайпов и вообще наиболее видные представители сильных и крупных тайпов — первыми завладели почти всеми значительными земельными пространствами, а наиболее слабые и малочисленные общины оказались сильно ущемленными.

У нас нет точных данных на этот счет. История не записала и не сохранила их. Тем не менее один довольно правдоподобный рассказ бавловского старика Эгнша подтверждает, что «приблизительно лет 190—200 тому назад в Аргунской долине (бывший Итумкалинский район) самыми сильными и крупными землевладельцами были дишинцы во главе с их вожаком (тхамадой) тусхароевским Усуром. Дишинские вожаки свой скот обычно передавали на зимовку падхароевцам (Итум-Кале). При этом падхароевцы обязаны были каждую весну, при возвращении скота обратно дишинцам со всем его приплодом, возмещать им и всю ту естественную убыль, которую терпел этот скот в течение зимы.

Возмущенные такими несправедливыми требованиями падхароевцы восстали против дишинцев во главе с сыном Итона Жели. При поддержке своих сородичей и джайского (аварского. — М. М.) князя Жели одержал победу над дишинцами». Характерен последующий этап этой борьбы падхароевцев. «Победив дишинцев, — продолжает свой рассказ старик Эгнш, — падхароевцы захватили огромную земельную территорию, основательно потеснили тусхароевцев, хачароевцев, зумсоевцев и других. Самы заняли княжеское положение, а обезземеленных Бачаговых, Бурсаговых и Цацахоевых сделали лаями (рабами) у заслуженных вожаков Падхароевых и Кимневых». Как бы для большего доказательства своих слов Эгнш добавляет, что «в память этой знаменитой битвы падхароевцев против дишинцев недалеко

от аула Итум-Кале и поныне сохранились кладбища «Нанад-каш» (Материнские кладбища) ¹.

Это предание, может быть, страдает и некоторыми новейшими наслоениями. Тем не менее в нем отражена определенная историческая правда. В чем социальный смысл изложенного события? Смысл его заключается в том, что началась жестокая борьба экономически сильной верхушки за хищнические захваты, за безраздельное господство над общиной, за порабощение и закабаление ее людских масс.

Такой процесс разложения тайповых общин приводил и к тому, что складывающаяся имущая «группа владетеля, — пишет Ленин, — не только всеми средствами производства — землей, орудиями, как бы слабы, примитивны они тогда ни были, — она также владела и людьми» ².

Таким образом, уже в конце XVIII века социальный организм чеченского общества, не зная еще четкого классового деления, был вместе с тем глубоко расчленен и представлял собой общество с различными социальными группами, которые враждовали между собой из-за классовых интересов.

Народные предания и сохранившиеся архивные данные также свидетельствуют о том, что значительная часть чеченских «свободных узденей» была закрепощена этими новоявленными князьками и, несмотря на принадлежность к сословию свободных, вынуждена была нести в их пользу различные повинности ³.

О том, что чеченский тайп еще задолго до начала XVII века перестал быть той «чудесной организацией», где все были равны, говорит и такая легенда: «Владельцы вожаки кирдоевцев (район Майсты. — М. М.) заставляли пикароевцев пасти и содержать табуны своих коней. Очередь пойти пасти коней кирдоевцев дошла до двух пикароевских молодцев, которые за ночь пере-

¹ Архивные фонды Чеченского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, инв. № 272, 1933.

² В. И. Ленин, Соч., т. 29, изд. 4, стр. 438.

³ См. Бутков П. Материалы по новой истории Кавказа, ч. 2, СПб., 1869, стр. 27—28.

были всех коней кирдоевцев, не желая более терпеть такое унижение»¹.

Останавливаясь на внешних столкновениях и конфликтах чеченцев с другими племенами и народами, следует говорить об их конфликтах главным образом с шедалоевцами (хевсурами), бацбийцами (тушинцами), кабардинцами, кумыками, калмыками и другими (это до появления казаков).

Набеги на другие племена у чеченцев были развиты еще значительно раньше. Так, например, известно, что еще в 1708 году калмыцкий Аюк-Хан давал клятву русскому царю: «об удержании Чечетей и Мункотемира от набегов и преследований ногайцев и чеченцев»².

Наиболее характерные и главные из этих столкновений чеченцев с другими племенами получили свое отражение в народной поэзии и рассказах. Из множества рассказов и песен, посвященных им, остановимся лишь на одном — «Битва Жокала». Этот рассказ посвящен одному из наиболее удачных набегов Жокала — легендарного военачальника в то время самой сильной Майстинской общины. «Очень много лет тому назад, — говорится в рассказе, — майстинский Жокал со своей дружиной (Герай) в составе 40 всадников двинулся на богатую Амбарчи (Тушетину) с целью ее захвата. После полудневого боя Жокал занял Амбарчи. Подняв над ней герское знамя, объявил эту территорию своей. У населения забрал все имущество (скот, медь, серебро и прочее), плюс к этому забрал еще оттуда 18 человек пленных бацбийцев»³.

Восемнадцать беззащитных пленников Жокал взял не для праздных прогулок. Для берий (наседника), а тем более для бячи (военачальника), занятых «почетным ремеслом», нужны были человеческие руки для обработки земельных участков и ведения всех черных хозяйственных работ, так как это не их дело. Они презирали такую работу. Помыслы их были обращены на разбой и легкую наживу. Их дело — берещца вахар (наезднический образ жизни), хлонсе вахар (жить набегам).

¹ Архивные фонды Чеченского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Инв. № 272, 1933, стр. 64.

² Б е р ж е. А. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859, стр. 140.

³ Архивные фонды Чеченского научно-исследовательского института. Инв. № 273, 1933, стр. 81—82.

за добычей) — вот чем теперь увлекались почетные господа.

Эта практика пленения людей в племенных столкновениях в Чечне явилась той исторической репетицией к рабству, о которой говорит Фридрих Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства».

Сначала рабовладение в Чечне ограничивается военнопленными, но постепенно, принимая довольно широкий характер, распространяется на местное население. Почувыв пользу от раба, рабовладелец начинает усиленно охотиться за ним. Этому способствовала и знаменитая Северная торговая дорога¹, которая связывала Чечню с Анапой, а через последнюю с Константинополем, где находился в то время крупнейший невольничий рынок. Вывозили рабов также в Кабарду и даже в Персию.

«Я лично в Кукурджане (Кабарда. — М. М.) видел, — пишет Тульчинский, — старика-чеченца, бывшего пленного холопа, поэтому и фамилию ему дали «Чеченов»². Еще и сейчас многие чеченские старики помнят, кто кем продавался и кто у кого находился на положении лая (раба). Многие старухи помнят, как заботливая мать, боясь похищения своего ребенка работоторговцами, не выпускала его из дома.

В селении Харпе Мецхальского общества в боевых башнях, ныне принадлежащих Матиевым, и по сей день висят цепи, в которые заковывали несары — пленников. Ларми — клетки для заключения пленников — имеются почти во всех боевых башнях Чечено-Ингушетии.

Пленение и продажа людей в Ингушетии также было довольно развитым ремеслом. Чаще всего продавали сирот, детей и вообще слабых, беззащитных людей. Их ларили или продавали.

Девятидесятилетний старик Сальмурза Калосев из селения Альтиево рассказывает нам, как он был продан в

¹ Подробное описание этой дороги дано профессором Яковлевым в работе «Вопросы изучения чеченцев и ингушей», Грозный, изд. «Серло», 1927.

² Тульчинский Н. Пять кабардинских обществ, Терский сборник, вып. VI. Владикавказ, 1903, стр. 17.

качестве раба кабардинским князьям, а после выкуплен Мальсаговыми¹.

Из материалов, собранных Чечено-Ингушским научно-исследовательским институтом истории, языка и литературы, нам известно, что Хайти из Шароя и Доса из Чинхоя были проданы Гендергеновыми из аула Урус-Мартан. Бузурт из Валерика был продан Цицхальгом из того же Валерика. Анга и Хаса из Гези-Юрта были проданы Алхазуром из того же Гези-Юрта. Асхад и Ташу из Галанчожской Акки были лаями у Хаджневых из Валерика. Лека, Юша, Амати, Дадн и другие из Кень-Юрта были лаями у Шаптуко из того же Кень-Юрта — владельца всей западной части обширной Кизлярской степи и больших стад скота. Хунга, Балда, Бункиш и другие из Шеди-Юрта были лаями у Элби из того же Шеди-Юрта — владельца более 14 тысяч голов одних только овец.

Автор двухтомного сборника «Адаты кавказских горцев» профессор Леонтович пишет, что уже в 1840-х годах «в массе пародонаселения находится в Чечне немногочисленный класс личных рабов и происходящий от военнопленных. Он (то есть класс личных рабов. — М. М.) ежедневно увеличивается вновь захваченными и набегах. Хотя состояние тех и других почти одинаково, однако же существует между ними различие: первых зовут лаями, вторых — песарами; последние тем отличаются от первых, что судьба их не совсем еще определена. Иссар может быть и выкуплен, и воротиться из родины, тогда как лай, забывший свое происхождение, без связи с отечеством своих предков, составляет неотъемлемую часть своего господина»².

Чеченцы «тайно похищали или силой уводили слабых людей соседних племен и своих соотечественников и продавали их на деньги или меняли на холопов», — сообщает Умалат Лаудаев. И дальше: «частые неурожай тогдашних владельцев заставляли некоторых во избежание голодной смерти целого семейства продавать или менять на хлеб одного сочлена, дабы этой мерой

спасти остальных от смерти. Часто случалось, что проданный таким образом человек не был выкуплен и оставался навсегда рабом»¹.

Таким примерно образом образовался класс личных рабов в Чечне. Лай (раб) занимал весьма низкое общественное положение, не имел в своем распоряжении никаких средств производства, работал на своего владельца и всецело зависел от него. Он не имел права выступать в общественном месте со своим мнением, садиться в присутствии привилегированных, принимать участие в общественных весельях (свадьбы, вечеринки и т. д.), ухаживать за девушками, особенно если они из привилегированного тайла, а также не имел права и жениться на них. Так, например, еще сравнительно недавно (лет 60 назад) в ауле Кень-Юрт был весь изранен кинжалами лай Лекаев Арсби только за то, что осмелился ухаживать за девушкой Жаннати из Зандакоевского тайла.

Лучшим оружием в то время в Чечне считалось: истамала бархI саболун мажар (стамбульское восьмигранное ружье), осмалой тапча (турецкий пистолет), фирмI мажар (крымское ружье), которые обычно покупались за лая (раба).

Таким образом, лай был не только рабочей силой, необходимой для применения в хозяйстве. Он также был предметом торговли и сбывался далеко за пределами Чечни. Это не меньше нужно было рабовладельцу, мечтавшему о золоте и серебре для украшения талии своих невест, о хороших красивых ружьях, шашках, пистолетах, о железных вещах, нужных в хозяйстве, и другом. Их не было в отсталой Чечне, приходилось приобретать извне, главным образом на восточных рынках, где легче всего можно было получить их за живого человека.

Следовательно, в Чечне были рабы и рабовладельцы. Так, например, известно, что при проведении крепостной реформы в 1867 году в Чечне было освобождено более 300 рабов².

¹ Архивный фонд Чеченского научно-исследовательского института. Материалы собраны Х. Б. Ахриевым, стр. 29.

² Профессор Леонтович А. Адаты кавказских горцев, ч. 2. Тифлис, 1883, стр. 80—81.

¹ Лаудаев У. Чеченское племя. Сборник сведений о кавказских горцах, вып. VI. Тифлис, 1871, стр. 14.

² Грабовский Н. Сборник сведений о кавказских горцах, вып. 3. Тифлис, 1870, стр. 13—14.

Но рабство в Чечне далеко не достигло своего расцвета. Здесь оно не сложилось как развитая, законченная социально-экономическая формация. Она была прервана на пути своего младенческого развития, далеко не доразвившись до рабовладельческой системы, как например в Кабарде.

Почему рабство в Чечне не получило своего полного развития? Это особый вопрос, требующий отдельного рассмотрения.

5. СОЦИАЛЬНАЯ БОРЬБА ВНУТРИ РОДА (ТАЙПА)

С конца XVIII столетия в Чечне происходит междутайповая борьба, в основе которой лежит борьба экономическая — угои скота, захват тайповых пастбищ, пленение более знатных лиц тайпа с последующим возвращением их за определенную дань. Все это уже соответствующим образом обосновывалось принципами правового института тайпизма для сохранения чести и славы тайпа, вплоть до того, что разрешалось похищение трупов с целью получения дани или оскорбления чести противника.

Эта борьба приводила к усилению экономической мощи одних тайпов за счет других. Следует отметить, что награбленное распределялось не пропорционально между членами тайпа, оно фактически распределялось между непосредственными участниками набега, при этом львиную долю получали руководители набегов, что приводило к созданию определенной группы имущих лиц. Таким образом, эти грабежи превращались в «источник первоначального накопления», лежали в основе начавшейся дифференциации внутри тайпа.

Из этого периода истории Чечни народ знает таких известных бячей (военачальников), гери (наездных дружин), как Безин Мусост, Зайтин Шахмирза, Адин Сурхо, Дада (основатель знаменитого Дадн-Юрта), Жокала (основатель Жокал-Юрта), Бачи (основатель Бачи-Юрта), Чулика (основатель Чулика-Юрта) и других. Набеги этих тер (дружин) содействовали ускорению процесса имущественной дифференциации и на

почве землевладения и на основе накопления разных сокровищ.

В истории чеченцев тер является той средой, в которой лучше всего можно разглядеть не только превращение личной доблести и храбрости в знатность — целоккхуш дикаи клант (знатный молодец), но и выделение группы имущих из общей массы военной дружины (гери), то есть самый ход того процесса, в силу которого отважный и прославленный бери (наездник), накапливая имущество, превращался в богача.

Взять, к примеру, сметенный Великой Октябрьской революцией помещичий букет Чечни, состоявший из тех же Чуликовых, Дубаевых, Саралевых и прочих. Все их прапредки были главарями таких дружин — бячами или видными и прославленными представителями в этих терах. Однако этим мы отнюдь не хотим сказать, что чеченский тайп впервые разложился на различные слои в результате разбойничьих набегов. Нет! Мы подчеркиваем это обстоятельство как один из решающих факторов, послуживших такому процессу. Общеизвестно, что даже патриархально-тайповый строй, где исходной формой собственности на средства производства является не личная собственность, а патриархально-тайповая, не исключает, а, наоборот, уже на этой стадии предполагает наличие элементов классовых противоречий.

Набеги превратились в систематические разбои «в целях захвата скота, рабов и сокровищ, превращение их в регулярный промысел; одним словом, восхваление и почитание богатства как высшего блага и злоупотребление древними родовыми учреждениями для оправдания насильственного грабежа богатств»¹. Таким образом, грабеж, который вчера считался по адату тяжелым преступлением и жестоко преследовался, сегодня занимает почетное место в обществе, ради которого злоупотребляют и родовым институтом.

Бяча (военачальник) у чеченцев так же, как и у прокезов, мог быть и не членом тайпа, тогда как тхамада (старейшина) должен был быть обязательно членом

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., Госполитиздат, 1950, стр. 110—111.

тайпа. Лица духовного звания также не имели права занимать должность тхаматы тайпа.

Патриархально-тайповый строй, семейно-фамильные отношения, основанные на непререкаемом авторитете старшинства и полном подавлении отдельных личностей тхаматой тайпа, таким образом, в конце XVIII века в Чечне дали весьма существенные и глубокие трещины.

Идет усиленное раскрепощение индивида из железных оков тайпового начала, и даже угнетенная женщина заявляет о своем праве на человеческое существование. Вступив полноправной четой в число семейных тайповых родственников, молодая пара — муж и жена — уже входит обычно в число отдельных хозяйств родного аула. Молодая пара старается построить себе отдельный домик, получить отдельный земельный участок и завести свое собственное хозяйство. Молодой глава семьи, «получивши, таким образом, свой родовой участок, делается полным его хозяином, разрабатывает его сам или отдает его другому на известных условиях»¹. Итак, появляется частная собственность на землю даже с правом пользования арендой.

Представители этой новой феодальной знати, сдавая на проценты скот, главным образом баранту, получали феодальную ренту. Уже в первой половине XIX века в Чечне господствовала продуктовая рента натурой. Наличие продуктовой ренты свидетельствует о значительном развитии феодальных отношений. «Рента продуктами, — писал Карл Маркс, — предполагает более высокий культурный уровень непосредственного производителя, следовательно, более высокую степень развития его труда и общества вообще»².

Внутри одного и того же тайпа каждая семья отдельно ведет свое хозяйство. Интересы отдельных семей все чаще и чаще идут вразрез с тайповыми интересами. Они постепенно раздирают тайпы внутри, потому что: «В родовой или сельской общине, — пишет Фридрих Энгельс, — с общей земельной собственностью, с которой — или с весьма заметными которой — вступают в историю все культурные народы, довольно равно-

мерное распределение продуктов является делом само собой разумевающимся; там же, где между членами общины возникает более или менее значительное неравенство в распределении, — это служит признаком начавшегося уже разложения общины». И дальше: «...совершенно очевидно, что крупное земледелие всегда обуславливает совсем иное распределение, чем мелкое; что крупное предполагает или создает противоположность классов — рабовладельцев и рабов, помещиков и барщинно-обязанных крестьян, капиталистов и наемных рабочих»¹. Одни семьи богатеют, другие беднеют. Одни и тот же тайп постепенно расслаивается на семьи разного достатка — на богатые и бедные, и как бы ни был этот тайп дружен и сплочен в отдельных торжественных случаях жизни, это несколько не мешало росту неравенства и недовольства между отдельными семьями тайпа.

Скот, являясь частной собственностью индивидуальных лиц, тоже был основным мерилем стоимости у чеченцев. Его охотно принимали в обмен на другие продукты и товары. Так, например, хорошее седло стоило 3 коровы, среднее — 2 коровы, хорошее кремневое ружье мамалой чаппах стоило 7 коров и т. д. Одним словом, скот получил значение денег и исполнял эту функцию у чеченцев долгое время. Даже тогда, когда человек перестал владеть скотом и стал владельцем торгового или промышленного предприятия, все его продолжали называть даьхна-ла — скотовладелец.

Все это уже явилось серьезным началом развития товарного хозяйства. А рука об руку с распространением торговли, денежного обращения, ростовщичества личной земельной собственности и ипотеки шло быстрое сосредоточение богатств в руках немногочисленного класса и столь же быстрое увеличение многочисленного класса бедных.

Процесс общественного развития Чечни с этого момента характеризуется развитием классового расслоения в самом ауле, проникновением торгового и ростовщического капитала и резким усилением эксплуатации многочисленного слоя бедноты кучкой богатых. Не в меру разбогатевшие старейшины тайпов составляли

¹ Профессор Леонтович А. Алаты кавказских горцев, ч. 2. Тифлис, 1883, стр. 79.

² К. Маркс. Капитал, т. 3. М., Госполитиздат, 1949, стр. 807.

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., Госполитиздат, 1950, стр. 138.

складывавшийся слой чеченских феодалов. Они пользовались рядом преимуществ и привилегий, закрепленных за ними адатом, а позже и царской администрацией на Кавказе.

Российский император и его военная администрация в восточном Кавказе всегда искали поддержку у чеченской феодальной знати. Возводя ее представителей в офицерские чины, давая им ряд привилегий, обучая их детей в русских военных школах, отпуская крупные суммы на жалование, подарки и прочее, царское правительство не оставалось безразличным к той социальной борьбе, какая происходила в чеченском обществе.

Уже во второй половине XIX века мы имеем в Чечне крупных землевладельцев-помещиков и довольно солидный слой перодовитых князей в своеобразном кумыкско-чеченском варианте. Они широко использовали сохранявшиеся родовые институты чеченцев в своих политических и экономических интересах. Таковы, например, Алхазовы и Чуликовы, Чермиевы и Турловы, Саралиевы и Мустапиновы, Дубаевы и Эльмурзаевы, успевшие захватить в свои руки большие земельные участки и нажить крупное состояние.

По вопросу о наличии феодальной знати в чеченском обществе даже XIX века существует и другое мнение. Так, например, есть товарищи, которые настойчиво утверждают тезис об отсутствии такой знати в Чечне вообще. В частности, это утверждает и Халид Ошаев в своих очерках о Чечне. Но кроме голых слов о том, что «Чечня вступила в период Октябрьской революции в обстановке отсутствия даже зачатков феодализма»¹, эти товарищи для доказательства ничего не приводят. Они обычно ссылаются на то, что «первые представители чеченской феодальной знати по происхождению не чеченцы».

Да, верно, что первые чеченские князья по происхождению не чеченцы, верно и то, что чеченцы вели упорную борьбу против кумыкских и кабардинских феодалов, которые пытались установить свое господство над ними. Так, например, в 1757 году в Чечне вспыхнуло крупное восстание против пришлых феодалов. Однако

¹ Ошаев Х. Очерк начала революционного движения в Чечне. Грозный, изд. «Серло», 1927, стр. 16.

это восстание было подавлено чистками царских солдат, непокорные народные «низы» были жестоко наказаны, и чеченцев не только заставили снова принять кумыкских и кабардинских феодалов, но принудили примириться и с господством «своих».

Мы сошлемся на исторический документ, говорящий о том, что в чеченском обществе конца XVIII века были феодалы-чеченцы, имевшие большие права над подвластным им населением и получавшие бер (оброк) от своих холопов. Так, например, прадед не безызвестного Ибрагима Чуликова Сулейман Чуликов обращался к командующему войсками Терской области князю Святополк-Мирскому с таким прошением: «Родной мой отец бывшей русской службы поручик Чуликов в 1809 году вывел из гор несколько именитых горцев; покориши их, он поселился на правой стороне Терека против ст. Ищерской Моздокского полка. Назван был Чулик-Юрт, который и ныне существует на том самом месте и с того времени покойный мой отец имел в собственном владении тот аул и принадлежавшую к нему часть земли, называемой Бено-Бёром (подчеркнуто мною. — М. М.), на которой он занимался ежегодно сенокосом, и жители всегда повиновались ему как владельцу аула... жители аула с давних времен привыкли считать участок этот моим родовым... будьте столь милостивы, не откажите в исходатайствовании к вышеозначенному участку земли письменного документа на потомственное владение оной»¹.

С такими же примерно прошениями к князю Святополк-Мирскому обратились и другие «владельцы чеченцы». Все они просили царское правительство вернуть им родовые земли, утраченные ими в связи с военными событиями на Кавказе и победой «всеистребляющего Шамшля».

А что же предпринимало царское правительство? «Надобно прежде всего, — писал князь Барятинский, — стремиться к восстановлению высшего сословия там, где еще более или менее сохраняются его следы, и соз-

¹ ЦГА Дагестанской АССР, ф. 125, д. 1, «Прошения офицеров-туземцев об отводе им в потомственное владение участков земли», 1863, стр. 21. Мы приводим эту штату с соблюдением стиля оригинала.

давать действующим в империи порядком там, где оно не существует»¹.

Этой политикой — «стремиться к восстановлению высшего сословия» — царское правительство отдавало «почетнейшим чеченским фамилиям» крупные земельные наделы, тогда как на душу чеченского крестьянина приходилось всего 1,2 десятины пригодной земли.

Отсутствие ясности в вопросе о наличии феодальной знати в чеченском обществе в значительной степени объясняется также и нечетким определением ее социального облика в русской исторической литературе XIX века и настоящим желанием всех членов чеченского тайпа во что бы то ни стало называться свободными узденями, не имея в своей среде ни дая, ни эли (ни раба, ни князя). А между тем история продолжала делать свое великое дело. Значительные и наиболее плодородные земельные площади были захвачены «владельческими»² фамилиями и лицами. В результате огромное большинство населения было совершенно обезземелено.

Уже в 80-х годах прошлого столетия чеченские помещики и сельские богачи ежегодно экспортировали в среднем до 200 000 пудов хлеба³, вывозили мясо, масло, шерсть и шерстяные изделия (бурки, черкески, башлыки) на сотни тысяч рублей ежегодно⁴.

Чеченский тайповый строй, таким образом, сам создал условия для своего уничтожения. Теперь в его недрах начинают шевелиться силы и страсти, которые чувствуют себя скованными этим способом производства.

Итак, гибель тайпового строя, патриархально-тайповых прав сопровождается выделением солидной группы имущих людей, в руках которых благодаря удачным набегам и грабежам скопилось много богатств. Эта же группа как экономически сильная начинает господствовать над слабой беднотой.

¹ Бутков П. Материалы по новой истории Кавказа, ч. I. СПб., 1869, стр. 37.

² Так именovala русская военная администрация на Кавказе богатых горцев.

³ Архив канцелярии начальника Терской области. Дело № 102/69 по описи № 643, Владикавказ, 1884.

⁴ Маркграф О. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882, стр. 104—105.

Усилился процесс и внутренней социальной дифференциации. Колонизаторская политика царизма, уже серьезно начавшаяся с конца первой четверти XIX века, в свою очередь ускорила этот процесс, а отнюдь не задержала его, как это утверждает Дзахо Гатуев, который пишет, что: «покорение Чечни царизмом означало ее превращение в первобытность, а не ускорение социальной дифференциации внутри нее»¹. Подобное утверждение — результат антимарксистского анализа экономики Чечни этого периода.

Не завершив этап феодального развития, Чечня после покорения ее царизмом была вовлечена в орбиту влияния русского капитализма. Военно-клерикальное государство Шамси-паша, уступив место колониальному угнетению, грабежу и управлению чиновниками российского самодержавия. Однако, как мы уже писали, покорившие Чечню колонизаторы искали и нашли себе опору в лице национальных помещиков и торгово-промышленной буржуазии, награждая особо выдающихся своих помощников земельными поместьями, форсированно подготавливая из них кадры туземного дворянства, чиновников, полицейских и прочих, что помогало им совместно эксплуатировать трудящиеся крестьянские массы Чечни.

Развитие капитализма в Чечне нанесло последний смертельный удар тайповому строю. Этого торжественного шествия «варварской цивилизации» никто не мог остановить. Тайповый строй должен был разрушиться, дальше он не мог существовать, так как почва из-под ног его была выбита. «...самые гнусные средства, — писал Фридрих Энгельс, — воровство, насилие, коварство, измена подтачивают старый бесклассовый родовой строй и приводят его к падению»². Низменные интересы — жадность, страсть к наслаждениям, грязная алчность, грабеж общего достояния — вот причины, приведшие к гибели тайповый строй.

«Падало старинное производство оружия под конкуренцией привозных тульских и бельгийских изделий, ла-

¹ Гатуев Д. Зелли-Хан. Ростов, 1926, стр. 13.

² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., Госполитиздат, 1950, стр. 101.

будете исполнять шарнат, я буду вам рубить головы... Ибо шарнат гласит, чтобы стараться возобновить веру, дать народу один только шарнат, а вы действуете совершенно напротив, — за что вы пострадаете от меня»¹.

Феодалный кодекс арабов — шарнат был далек от обычаев и традиций чеченцев; к тому же кара по законам шарната за различные проступки и преступления была слишком сурова. Вот почему народ упорно боролся против устоев шарната, ликвидировавших последние остатки его патриархальной «демократии».

Именно этим положением и следует объяснить то обстоятельство, что власть тайповых старейшин, запрещение браков внутри тайпа, тайповые названия, силовое территориальное расселение тайпов, кровная месть, тайповая сплоченность и другие неписанные законы чеченских тайпов при родовом строе в новых условиях при совершенно иных социально-экономических отношениях оставались прочными надолго. Однако они все сильнее изменялись и, оставаясь по форме тайповыми, по содержанию еще больше превращались в орудие угнетения господствующими классами народных масс.

В одном из своих писем к Ф. Энгельсу К. Маркс писал, что традиции прошлых поколений кониаром тяготеют над головами живых. Идея, мысли, формы общественного сознания, раз возникнув под влиянием соответствующих общественных условий, приобретают некоторую относительную самостоятельность по отношению к бытию. Общественные условия существования классов могут коренным образом измениться, а идея, явившаяся продуктом прежних общественных условий, продолжают существовать, препятствуя росту нового.

Пережитки и остатки тайповых отношений, сохранившиеся и поныне в быту чеченского народа, создают известные трудности на пути нашего продвижения вперед. Эти пережитки, «явившиеся продуктом прежних общественных условий, продолжают существовать, препятствуя росту нового».

Ведь ни для кого не секрет, что хитросплетенные тайповые и гаровые связи нередко уводят нас от правильного пути, от принципиальной позиции общенародных интересов коммунистического строительства. Цепляясь за уз-

косемейные тайповые связи и интересы, общественно вредные элементы пытаются уйти от ответственности за те или иные антиобщественные поступки, которые они совершают. Кровная месть еще кое-где делает свое черное дело, еще кое-кто позволяет себе просить и платить выкуп за невесту, еще не редки, к сожалению, случаи, когда на тайных сборищах тайпама кел (тайповый суд) перекривает решения нашего народного суда, который мы сами избрали для решения своих дел путем всеобщего голосования. И, наконец, каким моральным кодексом дозволено ударить своего обидчика или стрелять в него, руководствуясь своим эгоистическим чувством, когда мы перед всем народом протянули ему руки со словами прощения? Кто толкает наших молодых людей на такие низости? Бедь нарушить данное им слово, отступить от воли общества испокон веков считается последней низостью по традициям чеченского народа. И все же такие поступки у нас еще кое-кто совершает. Почему? Да потому, что так решает незаконнорожденный тайповый суд.

Вытаскивая на свет божий всю допотопную грязь, эти «суды» еще кое-где строят дикие и неслыханные козни между людьми, рождают интриги и мелочные страсти в обществе, зависть и ненависть друг к другу. И, кстати сказать, «судьи» всегда решают вопрос в пользу того, кто большую предложит им взятку.

Разбить эти остатки узкосемейных и тайповых интересов, разоблачить их социальную сущность и объявить против них решительную борьбу — такова наша задача. В этих серьезных вопросах в жизни чеченского народа мы должны руководствоваться могучим чувством своего гражданского долга перед народом и страной.

Только в непримиримой борьбе против тайповых, узкосемейных, гаровых и групповых интересов, против идеализации ненужного прошлого и затушевывания социальных противоречий в истории своего народа, против реакционных обычаев и пережитков, мешающих на пути нашего поступательного движения вперед, мы достигнем своей великой цели — строительства коммунистического общества.

1934 г.

¹ ЦГИАГ, ф. 1. 087. д. 348. л. 17. Тифлис. 1836.

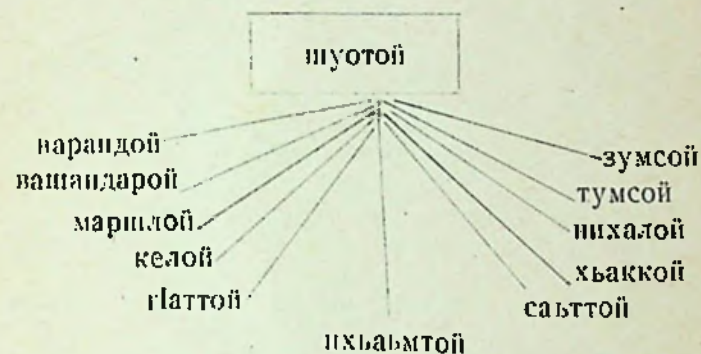
Структура чеченского общества XVII века

Каждый тукхум (фратрия) в свою очередь делится на тайпы, тайпы делятся на гары, гары — на некъы, некъы — на цӕ, цӕ — на доьзал. Это деление представляет из себя примерно такую нисходящую лестницу:

Деление тукхума шуотой на тайпы (пример)

Родословная тайпа саьттой
(пример)

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- В. И. Ленин. Соч., т. 1, изд. 4.
 В. И. Ленин. Соч., т. 3, изд. 4.
 В. И. Ленин. Соч., т. 29, изд. 4.
 К. Маркс. Капитал, т. 3. М., Госполитиздат, 1949.
 К. Маркс. Капитал, т. 3. М., Госполитиздат, 1953.
 Архив Маркса и Энгельса, т. IX. М., ОГИЗ, Госполитиздат, 1941.
 Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., Госполитиздат, 1950.
 Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., Госполитиздат, 1950.
 Берже А. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859.
 Гатуев Д. Зелым-Хан. Ростов, 1926.
 Головинский Н. Чеченцы. Сборник сведений о Терской области, вып. IV. Владикавказ, 1878.
 Далгат Б. Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом. Известия Ингушского научно-исследовательского института, т. IV, вып. 2. Владикавказ, 1934.
 Лаудаев У. Чеченское племя. Сборник сведений о кавказских горцах, вып. VI. Тифлис, 1871.
 Бутков П. Материалы по истории Кавказа, ч. 1, СПб., 1869.
 Бутков П. Материалы по истории Кавказа, ч. 2, СПб., 1869.
 Леопольдович А. Адамы кавказских горцев, ч. 2. Тифлис, 1883.
 Максимов Е. Чеченцы. Терский сборник, вып. 3, кн. 2. Владикавказ, 1893.
 ✓ Ахриев Ч. Ингуши. Сборник сведений о кавказских горцах, вып. VIII. Тифлис, 1875.
 Маркграф О. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882.
 П... в. Землеведение у чеченцев. Сборник сведений о Терской области, вып. 1. Владикавказ, 1878.
 Тульчинский Н. Пять кабардинских обществ. Терский сборник, вып. VI. Владикавказ, 1903.
 ✓ Яковлев Н. Вопросы изучения чеченцев и ингушей. Грозный, изд. «Серло», 1927.
 Ошасы Х. Очерк начала революционного движения в Чечне. Грозный, изд. «Серло», 1927.

Эльдерханов Т. Чеченские тексты. Сборник материалов для описания племен Кавказа. вып. XXVIII. Тифлис, 1900.

Карпин П. История монголов. Вильгельм де Брук. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911.

Грабовский Н. Сборник сведений о кавказских горах. вып. 3. Тифлис, 1870.

Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823.

Казбег А. Отцеубийца. Тифлис, изд. «Заря Востока», 1932.

Государственный архив Грузинской ССР, ф. 1. 087, д. 348. Тифлис, 1836.

ЦГА Дагестанской АССР, ф. 125, д. 1. Махачкала.

Архив канцелярии пачалынка Терской области. Дело 102/69 по описи № 643, Владикавказ, 1884.

Архивные фонды Чеченского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Материалы собрания Ахри-вым Х. Б. Инв. №№ 272 и 273, 1933.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
1. Чеченская семья (добзал)	6
2. Чеченский род (тайп)	10
3. Адат (адат) как юридическая норма родового (тайпного) строя	14
4. Процесс разложения рода (тайпа)	22
5. Социальная борьба внутри рода (тайпа)	30
6. Пережитки родовых (тайповых) отношений	39
Приложения	42
Источники и литература	45

МАМАКАЕВ МАГОМЕТ. ЧЕЧЕНСКИЙ ТАЙП (РОД) И ПРОЦЕСС ЕГО РАЗЛОЖЕНИЯ.

Редактор Колесников Ф. М.

Техн. редактор Дадашев А.

Корректоры Григорьева Л. Ф. и Тюрина Л. А.

*

Сдано в набор 16.IV 1962 г. Подписано к печати 15.VIII 1962 г.
Формат 81x118. Объем 3(2,45) л. л. Уч.-изд. л. 2,41.

Тираж 1300. СФ06020

Чечено-Ингушское книжное издательство,
Грозный, 21, улица Ленина, 14.

*

Заказ № 2270.

Типография имени 11 августа 1918 года,
Грозный, проспект Революции, 22/3.

Цена 3 коп.

Цена 3 коп.